

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИКО-
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Современный газетный дискурс характеризуется максимальной открытостью для использования новых языковых, и прежде всего – лексических средств, активизацией тех стилистических пластов лексики, которые прежде либо вовсе не использовались на страницах газет (например, бранная, абсценная лексика), либо находились на периферии лексической системы газетного языка (просторечная лексика, жаргонизмы, историзмы, экзотизмы и пр.). Одним из таких новых функционально-стилистических лексических разрядов современной газетной речи является *конфессиональная лексика*.

Конфессиональная лексика как самостоятельный функционально-стилистический разряд лексики еще только начинает изучаться современными лингвистами (см., например, работы Е.В.Какориной [2], Л.М.Майдановой [3]). Соответственно, само понятие термина “конфессиональная лексика”, содержание этой лексической категории достаточно четко еще не определено. Поэтому считаем целесообразным обозначить собственное понимание рассматриваемой категории. К конфессиональной лексике мы будем относить слова ассоциативно-семантического поля “*религия*” (при этом включается лексика, относящаяся к различным конфессиям, но для российских газет, естественно, более актуальна лексика, относящаяся к христианству). Так что именно единство *тематической* отнесенности позволяет выделить конфессиональную лексику в самостоятельный функционально-стилистический разряд. Как справедливо отмечает Т.Г.Винокур, “фактор темы выступает... не только как экстралингвистический, но и как лингвосо-

многотический, в том числе стилистический фактор” [1: 77]. Активизация профессиональной лексики в современном газетном дискурсе напрямую связана с социально-духовными переменами в обществе, с возрождением религии, религиозного сознания, активным проникновением в нашу сегодняшнюю жизнь, и в политическую в том числе, идей и заповедей христианства. Возрождение национального самосознания, нравственное обновление общества связывается в первую очередь с приобщением к религии, к христианской вере. “Российские СМИ сегодня активно помогают Русской Православной Церкви в её стремлении возродить на Руси православную традицию”, – отмечает теоретик журналистики В.А.Шандра [4: 8]. Осознание духовной, возрождающей для русского народа значимости христианства отражено в следующих газетных контекстах: *Христианство – это ... соль земли, закваска* (ЛГ10.02.99); *Мы живём в удивительное время, будто бы вернулись на землю времена загнивающего языческого Рима, уже освященного первым светом Христианской веры* (Завтра, №10, 3.99).

Одну из возможных причин активизации профессиональной лексики в современном газетном дискурсе можно увидеть также в стремлении компенсировать общую негативную насыщенность публикаций, противостоять агрессивности, жесткости и неэтичности их речевого оформления. Так что профессиональная лексика, характеризующаяся книжной, высокой стилистической окраской, является своеобразным “противовесом” разнузданной, излишне раскрепощенной речевой манере современной газеты.

Профессиональная лексика – тот разряд новых в газете слов, которые прежде, в советский период, были *табуированы* в языке печати. Сама тема “религия и церковь” была запретной. Если соответствующие материалы и публиковались, то они, как правило, имели *атеистическую направленность*, носили пропагандистский, ярко выраженный полемический, публицистический характер. В атеистических публикациях использовалась своя стилистика, своя система аргументов и средств

воздействия на читателя, свой образный строй. Слова конфессиональной лексики в этом случае использовались как отдельные “вкрапления”, и причем только в собственно *номинативной* функции, для обозначения различных реалий, связанных с религиозной сферой деятельности, например, для обозначения предметов культа, различных религиозных обрядов, служителей церкви и под. Использовался небольшой набор лексем, а именно – *бог, церковь, религия, святой, священник, икона, вера, крещение* и др. Приведем примеры: *Мы – первое в истории человечества общество, существующее без религии, без веры в бога* (ЛГ 16.02.77); *Нравственные ценности являются достоинством человечества, их гуманистическое содержание должно существовать вне религии* (ЛГ 4.02.77).

Номинативная функция конфессиональной лексики остается основной и в современном газетном дискурсе. В этой функции она используется в материалах на темы религии и церкви. В современном газетном дискурсе эта тематическая сфера может быть выделена в качестве самостоятельной, более того – можно говорить о самостоятельном – *религиозном* – дискурсе. В соответствующих публикациях репрезентируется особая картина мира, совершенно новая для современной языковой личности. Здесь сложился особый стиль, особый способ речеведения. Подобной точки зрения придерживается и Л.М.Майданова, утверждая следующее: “Язык русских переводов Евангелия, Библии и других канонических текстов, язык молитв и проповедей – это особая функциональная разновидность языка” [3: 31-32].

Если характеризовать конфессиональную лексику современного газетного узуса, то по сравнению с газетами советского периода значительно *расширился* её состав, сформировались свои лексико-семантические группы. Наиболее продуктивными в современных газетных текстах оказываются следующие ЛСГ конфессионализмов:

1. ЛСГ “религиозные обряды, священнодействия”: *молитва, молебен, крещение, причастие, исповедь, поминовение, покаяние, обедня, служба* и др.;

2. ЛСГ “служители культа”: *монах, батюшка, священник, святой отец, церковник, дьякон, патриарх, митрополит* и под.

3. ЛСГ с архисемой “священный письменный текст”: *Библия, Евангелие, Псалом, Новый Завет, Ветхий Завет, Апокалипсис, апокриф, псалтырь, житие* и др.

4. ЛСГ, включающая названия различных христианских (православных) праздников: *Пасха, Рождество Христово, Троицын День, Радоница, Вознесение Господне, Прощеное Воскресение* и др.

5. ЛСГ с архисемой “культовое сооружение”: *церковь, храм, собор, монастырь, часовня* и под.

6. ЛСГ, называющая различные церковные атрибуты: *икона, алтарь, крест, ряса* и др.

Говоря о конфессиональной лексике в современном газетном узусе, следует заметить, что увеличилось число случаев использования соответствующих лексем в рамках одной публикации, возросла насыщенность ими текстов. Использование конфессиональных лексем придает публикации особую стилистическую, эмоциональную окраску, часто – высокую патетику. Такая лексика чаще всего встречается в речи священнослужителей, для которых она является средством выделить свою позицию, противопоставить её мирской. См. фрагмент высказывания митрополита Кирилла о роли церкви в современном обществе: *“Церковь призвана Самим Господом к пророческому деланию, ибо Она продолжает Его пророческое служение... Само свидетельство пророка о бедах грядущего открывает “имеющему уши” пути их преодоления...”* (НГ 24.12.99). См. отрывок из газетного выступления Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла: *“Однако в традиционном библейском наименовании “рабы Божии” нет ничего унижительного для христиан ... потому что раб Божий свободен от рабства другому* (КП 22.05.02).

В современном газетном дискурсе все более значимой становится другая важнейшая функция конфессиональной лексики – *оценочная*. Конфессиональная лексика становится одним из новых источников формирования системы оценочных

средств современного газетного дискурса. Если говорить о характере оценки, которая выражается конфессиональной лексикой, то следует признать, что конфессионализмы специализировались для выражения *морально-этической, нравственной оценки*. И в этом – яркая функционально-семантическая специфика конфессиональной лексики. Данный факт закономерен: категории “религия” и “нравственность” в национальной культуре, в менталитете любого народа оказываются взаимообусловленными, а понятия “нравственность” и “атеизм” становятся понятиями-антагонистами. Слова АСП “религия” задают определенную точку зрения на объект оценки, определяют отношение к нему с позиции религиозного мировоззрения. Человек, следующий заветам Библии, христианства, оценивается с точки зрения нравственности только положительно, и наоборот – человек, совершивший нравственный проступок, поправший нормы общественной морали, воспринимается как *вероотступник, безбожник, Иуда*. Религиозные символы являются частью культурно-исторического наследия, ими современный человек вооружается как инструментом убеждения, оценки. Это вечные стереотипы, нормы, идеалы. Они несут в себе особую информацию, особый культурный код, расшифровка которого возлагается на читателя. В связи с этим можно говорить о *религиозной пропозиции* как части национально-культурных знаний о мире.

Конфессиональная лексика как средство морально-этической оценки получила в современном газетном узусе достаточно широкую сферу функционирования. Прежде всего, это публикации, непосредственно связанные с вопросами нравственного воспитания, духовной жизни общества. В подобных материалах конфессиональная лексика создает не только эмоционально-оценочный, но и дидактический заряд. См.: *Если человек гребет все подряд, он просто безбожник* (АиФ, №12, 02); *Участковый Хворостенко – пастырь 700 посёлковых душ – знает и о всех заблудших* (КП 21.04.02); *Генерал Гамов составил собственное Евангелие, заветам которого следовал всю свою жизнь* (КП 28.05.02).

Вместе с тем конфессиональная лексика в оценочной функции все активнее “вторгается” и в материалы на другие темы – общественно-политические, социально-экономические, в материалы на темы культуры, науки и др. В качестве объектов оценки выступает довольно широкий круг явлений, событий, конкретных лиц. Достаточно *действенным средством нравственной оценки* конфессиональная лексика оказывается в публикациях на политические темы, при оценке современных *политиков*. Заметим, что в газетах новейшего времени, в эпоху нового политического мышления, когда всё более очевидным становится примат общечеловеческих ценностей, морально-этическая, нравственная оценка политика получает всё большую актуальность. Слова-конфессионализмы и рождаемые с их помощью аллюзии, ассоциации и призваны оценивать политического деятеля прежде всего как *человека, как личность*. См.: *У меня нет сомнений в его высоких человеческих качествах, в его преданности святому делу* [о В.Илюхине] (РГ 19.01.99); *Горбачев был праведником. Такие спасают мир...* (ЛГ 29.07.97); *Он (Ельцин) – настоящий человек, он совершил настоящий христианский поступок* (КП 29.07.97).

Наблюдения над функционированием конфессиональной лексики в политических контекстах, в ситуации оценки политических деятелей, ярко высвечивают следующую тенденцию. Конфессиональная лексика очень часто подвергается *ироническому переосмыслению*, лексемы с позитивной коннотацией используются в сатирических, сниженных контекстах, в результате чего их высокая, позитивная эмоциональная окраска трансформируется в прямо противоположную, а традиционные религиозные символы и образы приобретают неожиданное звучание и значение. В первую очередь, это явление характерно для “острой на язык”, очень резкой в оценке коммунистической прессы. См.: *Ушел во властную тень Ельцин. На замаливание грехов он отправился в Вифлеем с домочадцами и службой* (Правда 28.01.00); *Березовский теперь политический изгнанник, мученик* (АиФ, 2002, №5); *Думская Мадонна – дама Хакамада – покурить любила с самого детства* (СР №137, 2001).

Следить за тем, что на экране и в эфире нравственно, а что безнравственно, будут 12 апостолов [общественные “цензоры”, назначенные Б.Березовским] (КП 11.03.99). Ироническое переосмысление лексемы нередко подчеркивается графически – с помощью кавычек: ...*Это “святая троица”* [оценка трех президентов – М.С.Горбачёва, Б.Н.Ельцина и В.В. Путина] (СР №136, 2001); *Власть в знак благодарности закрыла глаза на грехи “спасителей”*, позволяя им “доить” казну (АиФ, №6, 02); *Все более символическим становится вмешательство в ситуацию “патриарха” Б.Ельцина* (Правда №42, 01); *Настало время понять и современным “настырям душ”*: у поколения 90-х не существует никаких “привязок” (ЛГ 25.03.98). Они [политики правого толка] *вдруг почувствовали звериным нутром крах ельцинского режима и объявили себя жертвенными патриотами* (Завтра №17, 4.99). Благодаря предпочтительному использованию конфессионализмов именно в ироническом контексте увеличивается арсенал негативнооценочных средств, которые для современного газетного дискурса – в силу его преимущественной негативнооценочной направленности – более актуальны, чем средства позитивной оценки.

Конфессиональная лексика – тот функционально-семантический разряд слов, который обладает богатыми экспрессивно-оценочными ресурсами. Многие соответствующие лексемы уже на уровне прямого значения содержат оценочные семы или оценочные коннотации, другие получают оценочную семантику в результате метафорического употребления, ассоциативно-семантических приращений. Общая логическая основа для метафоризации конфессиональной лексики и для выведения оценочного коннотативного значения – определенный этический, христианский идеал (норма, стандарт), отношение между реальной картиной мира (той, которая оценивается) и идеализированной, соответствующей христианским нормам (той, с позиции которой происходит оценивание).

Отметим наиболее типичные ЛСГ конфессиональной лексики, которая подвергается метафорическому переосмыслению и рождает определенные оценочные смыслы.

1. ЛСГ “названия потусторонних, темных сил”: *сатана, антихрист, дьявол, нечисть, бес (бесовский, бесноватый)*. Примеры: *Сатана будет метить своих сторонников, наделяя их кредитными карточками* [о Б.Н. Ельцине] (ЛГ 11.02.01); *Антихрист – Шендерович, короткорукый провинциальный заведенный папа Карла* (Завтра, №26, 6.99); *Ничего нового..., то же непомерное восхваление своего бесноватого божка – Жириновского* (Правда №34, 99).

2. ЛСГ, включающая собственные имена персонажей библейских сюжетов, евангельских и житийных текстов, ставшие в нашей национальной культуре нарицательными и получившие устойчивые оценочные коннотации. Это лексемы типа *Иисус, Христос, Иуда, Моисей, Дева Мария, Ной, Каин*. Например: *Так как же далеко мы готовы зайти в своей ностальгии и завести туда своего Моисея* [о В.В.Путине] (МК 20.02.01); *Лужков держит кепку по ветру, мечется между Ельциным и народом, сажает деревья вокруг синагог – может, иудино дерево?* (Завтра, №16, 04.99); *Мой Каин имел свои отличительные приметы.. Это был первый и последний президент СССР* [о М.С.Горбачеве] (КП 10.01.99); *И сейчас, получив 50 тысяч долларов от олигарха – 30 сребреников, пересчитанные с учетом девальвации, Иуда ещё раз плюнул в лицо своему народу* [о писателе Василе Быкове, который эмигрировал из России] (Правда 13.01.00).

3. Устойчивые оценочные коннотации приобрели также некоторые лексемы-топонимы из Библии и евангельских текстов, такие как: *Голгофа, Вавилон, Содом, Гоморра, Третий Рим* и под. Например: *И неужели Москва... превратится из Третьего Рима во второй Вавилон?* (Завтра №3, 01.99); *Путь политика на Голгофу становится дорогой смелого восхождения* (КП 26.03.97.); *Если американцы не откажутся от своих нынешних установок, их ожидает судьба библейской Гоморры* (Завтра, 326, 6.99).

4. Лексемы с позитивной оценкой типа *святой, священный, божественный, послушник, мученик, ангел, Божий угодник*, которые в переносном значении актуализируют сему “правед-

ный”, “обладающий высшим совершенством”, “высоко нравственный”. Соответствующее оценочное значение приобрели также относительные прилагательные типа *религиозный, христианский, православный*. Например: *Изгнание Березовского есть поистине мистический, религиозный факт* (Завтра, №10, 3.99); *Это поистине христианский поступок* (СР 14.02.02).

5. Названным позитивнооценочным лексемам противопоставят негативнооценочные типа *грешный (грешник), еретик, неправедный, безбожный, нечисть, нехристь* и др., актуализирующие общее значение “безнравственный, преступный в каком-либо отношении перед обществом”. Например: *...Гении и еретики Государственной Думы* (СР 22.07.01); *Доренко и Сванидзе давно уже попали в сообщество нечистей и безбожников* (Правда, 13.01.00).

6. Лексемы *рай, ад* (и их производные), а также лексема *чистилище*: *Отражение рая, счастливая страна Оман* (Завтра, №5, 2.99); *Из чистилища [имеется в виду война в Чечне] всё видно и всё понятно* (Завтра, №3, 1.99); *Его личный отрезок жизни уже лежит в аду* (ЛГ 2.03.99).

Многие слова конфессиональной лексики вступают в символично-оценочные оппозиции, употребляются в рамках одного контекста как речевые антонимы, участвуют в реализации приема контраста, антитезы. Ср. использование в рамках одного контекста антонимичных по оценочной семантике сравнений, образов (*рай – ад, Бог – дьявол, ангел – бес, Христос – Иуда, святой – папист, грешный, божественный – безбожник* и т.д. Например: *Словно святой праведник, он принял грехи нашей несчастной, безбожной страны* (НГ 12.04.00); *Задача человечества не в том, чтобы воздвигнуть рай на земле, а чтобы не допустить ада* (ЛГ 24.12.97); *И само это телевидение есть бесовское порождение, призванное погубить в человеке всё человеческое, всё Божье* (Завтра, №3, 1.99)

Мы представили лишь некоторые наблюдения над функционированием конфессиональной лексики в современном газетном дискурсе. Этот новый функционально-семантический пласт лексики – яркое отражение новых процессов в язы-

ке газеты (и в общелитературном языке в целом) и шире – новых процессов в социокультурной и духовной жизни общества, в национальной ментальности. Изучение функционирования конфессиональной лексики в газетном дискурсе представляет, на наш взгляд, интересный материал не только для лингвистов, но и для социологов, психологов, историков и теоретиков журналистики.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

2. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996. С.67-90.

3. Майданова Л.М. Газетные публикации на темы церкви и религии: к вопросу о взаимодействии стилей // “Факс”: журнал уральских журналистов. 1997, №4 (8). С. 31-32.

4. Шандра В.А. Актуальные проблемы и недостатки в освещении религии на страницах газет // “Факс”: журнал уральских журналистов. 1997, №4 (8). С.8-9.

Н.А.Родионова

Самарский университет

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ПОРТРЕТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ И.БУНИНА)

Художественный текст всегда антропоцентричен, ибо нет произведения без автора и персонажа. То, каким видит героя автор, является принципиальным для понимания всей концепции произведения и постижения авторской картины действительности. Природа бунинских портретных описаний во многом обусловлена авторской модальностью, под которой подразумеваем отношение концептированного автора к изобра-